

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

MISSIONARIAN ACTIVITY IN THE KAZAN GOVERNMENT IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES AS A TOOL OF FORMATION OF CONFESSIONAL POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE

R. Zyabirov

Annotation

The author of the article analyzes the problems connected with the struggle against the gentiles and the apostate movement among the baptized non-Russian population of the empire, including the Kazan region in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. An important task of the Orthodox Church was religious enlightenment and moral education of a baptized non-Russian population. On the issues of education and education of foreigners of the Russian Empire in the post-reform period, the government and missionary approaches coexisted.

Keywords: government approach, missionary approach, education, non-Russian population.

Зябиров Радик Мустафович

Ст. преподаватель,

Российский исламский институт,

г.Казань

Аннотация

В статье анализируются вопросы, связанные с миссионерской деятельностью церкви, направленной в сторону просвещения иноверцев и решения проблем возникновения отступнического движения среди крещеного нерусского населения империи, в том числе и Казанском крае во второй половине XIX – начале XX в.в. Важной задачей православной церкви было религиозное просвещение и нравственное воспитание крещеного нерусского населения. По вопросам просвещения и образования инородцев Российской империи в пореформенный период сосуществовали правительственный и миссионерский подходы.

Ключевые слова:

Правительственный подход, миссионерский подход, просвещение, нерусское население.

В Казанском крае во второй половине XIX – начале XX в.в., важной задачей православной церкви было религиозное просвещение и нравственное воспитание неправославного населения. По вопросам просвещения и образования инородцев Российской империи в пореформенный период сосуществовали государственный и просветительско-миссионерский подходы. Разработчики просветительско-миссионерского подхода в качестве основной цели просвещения видели представителей ислама с их религиозной культурой. Так, по выражению одного из видных идеологов миссионерского подхода священника Тобольской епархии Е. Елисева: "Мы не вынуждаем менять веру прадедов, а наставляем к той религии, о которой умалчивали их деды, будущи руководимы ложным учением Магомета [Мухаммада]" [1. С.3].

При этом следует особо отметить, что адепты миссионерского подхода считали христианство православного толка одним из сильнейших факторов единения Российского государства. Православие, на их взгляд, у всех россиян должно пробуждать чувство единства и не подрывать устои государства [2].

Сторонники просветительско-миссионерского подхода считали, что только христианская религия могла положительно воздействовать на умственно-нравственное состояние мусульманских народов. [3. С.537]. Таким образом, приверженцы просветительско-миссионерского подхода православной церкви отводили роль главной цивилизаторской миссии на инородческое население Российской империи, в особенности на мусульманство. Ими христианское просвещение противопоставлялось мусульманскому.

С распространением джадидской программы просвещения среди мусульман Российской империи царское самодержавие еще больше усилило меры по отношению к мусульманскому обществу. В образовательной политике царского правительства произошли некоторые характерные изменения. В ней: наряду с расширением светской образовательной сети, постепенно начало развиваться миссионерское просвещение нерусского населения.

Как видно из многочисленных документов тех лет, с установлением новых условий экономической и политической жизни, связанных с либеральными буржуазными

реформами Александра II, самодержавие отказалось от широкомасштабных репрессивных мер против инородческого населения страны и перейти по отношению к ним более или менее сбалансированной политике. Так, по этому поводу в одной из своих статей И. Золотницкий высказал такую точку зрения: "... В связи с тем, что отчуждение татар от России в годы Крымской войны имело место, ныне настала пора противопоставить татарско-магометанскому влиянию влияние христианско-русского просвещения, целью которого должно было бы стать превращение инородцев в "просвещенных христиан", русских по языку и граждан по чувству" [7. С.75–96].

По мере роста недовольства с социально-экономическими мероприятиями царского правительства, связанное с реформами 1860-х гг., и обострения отношений между церковью и инородческими прихожанами правительство стало реализовывать новую миссионерскую программу. Одним из ее идеологов был алтайский проповедник Макарий, разработавший новый план "христианского просвещения иноверцев империи". По его предложению были выдвинуты мнения о создании Всероссийского миссионерского общества, а также организации специальных учебных заведений для подготовки специалистов в области миссионерской деятельности. [8. С.234–236].

В мае 1865 г. Святейшим Синодом учреждено Русское православное миссионерское общество. Среди главных задач общества следующие: организация и финансирование православных миссий, популяризация миссионерских идей в российском обществе, распространение православной веры и культуры среди инородцев. 16 июля 1865 г. самодержец Александр II утвердил устав общества, его учредителем стала императрица Мария Александровна, председателем – епископ Ладожский Герасим [9. С.137]. Основным ареалом деятельности этого миссионерского общества были определены многоэтничные губернии Среднего Поволжья. Основное объяснение первоочередного выбора ареалом деятельности этого миссионерского общества, по всей вероятности, было вызвано активным отпадением от православия татар, марийцев, чувашей и других финно-угорских народов в традиционные верования.

В 1860-е – 1880-е гг. В результате смены курса царского правительства в Казанской губернии развернули свою деятельность различные церковные, проправительственные и общественные организации и учреждения.

Так, из данных различных источниковых материалов известно, что в эти годы при миссионерском просвещении и религиозном воспитании нерусских народов применялась различная методика. Одну из методик была рекомендована профессором Казанской духовной академии Е.А. Малов. Основное содержание его полемики было противостояние мусульманскому учению и опровержение важных пунктов Корана и последующее доказательство истинности православия. Эта полемика должна была осуществляться методом индивидуальных бесед, с

посредством которых предполагалось воздействие на религиозные чувства верующих. Однако эта методика не дала должного результата, поскольку, как отмечают источники того времени, имелась сильная приверженность мусульманского населения к своему учению.

Как отмечается в религиозно-исторической литературе, более эффективной была методика Н.И. Ильминского профессора Казанской духовной академии. Он предлагал назначать православных священнослужителей в места сосредоточенного проживания инородческого населения из числа инородцев, владеющих языком этих народов. Помимо этого Н.И. Ильминский предлагал также переводить православную литературу на татарский язык. Он для этих целей вместо арабской графики начал использовать русский алфавит. [10. С.339–369]. Так, например, в 1862 г. издана первая азбука на татарском языке с русским алфавитом, в 1869 – вышла литургия на татарском языке. Комиссия по переводу, возглавляемая Н.И. Ильминским, работала в "Братстве Святого Гурия". За период 1875–1892 гг. было выпущено 142 наименования литературы на практически всех языках нерусских народов Поволжья и Приуралья. [11. С.24–25].

Правительственная политика образования инородческого населения предполагала также подготовку православных священников из выходцев нерусских народов. С этой целью в Казанской губернии стали открывать христианские татарские школы. Первая из них была основана в сентябре 1863 г. при поддержке Н.И. Ильминского и Е.А. Малова. Она в основном содержалась за счет частных пожертвований и пособий, выделяемых Министерством государственных имуществ России. В 1864/65 учебном году в ней обучалось 20 татарских и чувашских учащихся. На татарском языке преподавались Закон Божий, Священная история, краткий Катехизис. В 1871 г. эту школу посетил император Александр II.

В связи с "удачным экспериментом" Н.И. Ильминский обратился с письмом к обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому, в котором он отметил: "Необходимо создать целую сеть школ-отраслей. Кроме обучения детей грамоте и православной вере, они могут столь же непосредственно воздействовать на старшее поколение через чтение переводимых вероучительных книг и через наших церковных молитвословов, способных сильно воздействовать на чувства сельских читателей". [12. С.177].

Однако при этом следует констатировать, что концепция Н.И. Ильминского не нашла широкого отклика как в среде представителей правящего круга, та и в среде большей части православного духовенства. Против нее в первую очередь ополчилось местное духовенство. Так, протоиерей А.И. Баратынский подверг ее серьезной критике. По его мнению, татар следует заставить учить не татарский, а русский язык. [13. С.174]. Свои возражения он обосновывал тем, что инородческие языки не имеют адекватных слов для выражения христианских элементарных понятий, зачастую искажают и неправильно интерпретируют их смысл. Христианские переводчики, ко-

торые переводят, например, на татарский язык священный текст, зачастую вынуждены использовать мусульманскую лексику. Таким образом, заключает он, – священный текст, переведенный на татарский язык, является нечто средним между христианством и исламом. Кроме того, он выразил опасения в том, что введение инородческих языков в употребление в школе и церкви могло способствовать активизации национальной идеи самосознания нерусских народов, что и представлялось для государства весьма опасным [14. С.372].

Кроме А. Баратынского с серьезной критикой концепции Н.И. Ильминского выступил петербургский профессор богословия В. Григорьев, который подметил другие характерные черты мусульманского вероисповедания в целом, татар–мусульман в частности [15].

Подобные отклики на страницах печати и во время публичных выступлений на миссионерскую программу Н.И. Ильминского вызвали острые дискуссии среди православного духовенства и ученой общественности. В училищных советах губерний Среднего Поволжья, где представители нерусских народов составляли значительный процент, возникла острая полемика между сторонниками Н.И. Ильминского и А.И. Баратынского. В ходе этих споров большинство советов признало инородческие языки необходимым орудием первоначального

обучения нерусского населения, но при этом русский язык оставался основным языком школ и церкви. [16. С.204–205].

Все эти спорные моменты относительно просветительского вопроса нерусских окончательно было подытожено Министерством Народного Просвещения Российской империи, которое внесло коррективы в свою программу по образованию инородцев. Эта программа увидела свет 2 февраля 1870 г. под названием "О просвещении восточных инородцев". [17. С.287]. Царское правительство в своей новой образовательной программе попыталось взять положительные элементы с разных учебных концепций и методик.

Таким образом, правительственный подход по отношению к просвещению и религиозно–нравственному воспитанию инородцев состоял из следующих пунктов: во–первых, преимущественное православно–религиозное просвещение на родном языке нерусских народов; во–вторых, участие представителей инородцев православию; в–третьих, главная суть православно–церковного обучения "научить инородца не говорить, а мыслить по–русски". Последователи миссионерского подхода придерживались мнения, что мусульманские школы бесполезны как в культурном, так и в общегосударственном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елисеев Е. Важность и значение миссионерства. Ответ П.Петрункевичу. – СПб., 1902.
2. См. Юзефович Б. Христианство, магометанство, язычество в восточных губерниях России // Русский вестник. – 1883. – Март. – Кн. 3; Московские ведомости. – 1884. – № 306.
3. Жузе П. Ислам и просвещение // Православный собеседник. – 1899. – Кн. 2. – С 537.
4. К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского учебного округа // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1867. – № 3.
5. Туземные учебные заведения в Туркестанском крае: медресе и мектебе // Православный благовестник. – 1897. – № 14.
6. Туземные русско–мусульманские школы Сыр–Дарьинской области. Из отчета инспектора народных училищ // Православный благовестник. – 1899. – № 3.
7. Золотницкий И. К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского учебного округа // Журнал Министерства Народного просвещения. – 1867. – ч.134.
8. Мысли о способах к успешному распространения христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе архимандрита Макария Глухова // Православный благовестник. – 1893. – № 5.
9. Рункевич С. Русская православная церковь, история христианской церкви в XIX веке. – СПб., 1908.
10. Ильминский Н. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родные языки // Православный собеседник. – 1863. – Кн. 10. – С. 135–141; его же. К истории инородческих переводов // Православный собеседник. – 1884. – Кн. 1.
11. Чичерина С. У приволжских инородцев. – СПб., 1905.
12. Письмо Н. Ильминского к графу Д. А.Толстому, обер–прокурору Святейшего Синода, 31 марта 1866 года // Казанская центральная крещено–татарская школа. Методика для христианского просвещения крещеных татар. – Казань, 1887.
13. Баратынский А. Записка о введении русского языка и русской грамотности в татарских училищах. Сб. документов и статей по вопросу образования инородцев.
14. Протоколы училищных советов. Сб. Документов. Представление попечителя Казанского учебного округа Министру Народного Просвещения.
15. Циркуляр по Казанскому учебному округу. – Казань, 1870. – № 10.
16. Записки ординарного профессора Санкт–Петербургского университета В. Григорьева.
17. Журнал Совета Министерства Народного Просвещения по вопросу просвещения инородцев, 1870, 2 февраля // Материалы по истории народов.